

Антон Кочнев

18+

ЗНАК
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

АНТОН КОЧНЕВ

ЗНАК ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ. ПОВЕСТЬ

«Издательские решения»

Кочнев А. В.

Знак Человеческий. Повесть / А. В. Кочнев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856959-3

Это история одного Человека. Разная и одинаковая. Ты уже видишь этого Человека? Может быть, и он видит тебя. Одна история. Цельная как монолит, и сегментированная как глаза стрекозы. И в этом ее главная загадка. В этой книге все мы стоим рядом. В этой книге все мы стоим далеко. Сказка, фантазия и быль. Мешанина из снов и ощущений. Такая выдуманная и такая жутко реальная. И такая неоконченная.

ISBN 978-5-44-856959-3

© Кочнев А. В.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Часть 1. Охота на Бога	7
Пролог	8
1. Молчание	9
2. Первая жертва	10
3. Огонь	14
4. Капь	16
5. На морском берегу	20
6. Подножье горы	24
7. Деревянная лестница	26
8. Каменная лестница	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Знак Человеческий Повесть

Антон Владимирович Кочнев

Иллюстратор Дарья Георгиевна Иукканен

Дизайнер обложки Сергей Николаевич Охотин

Корректор Ирина Геннадиевна Мущинская

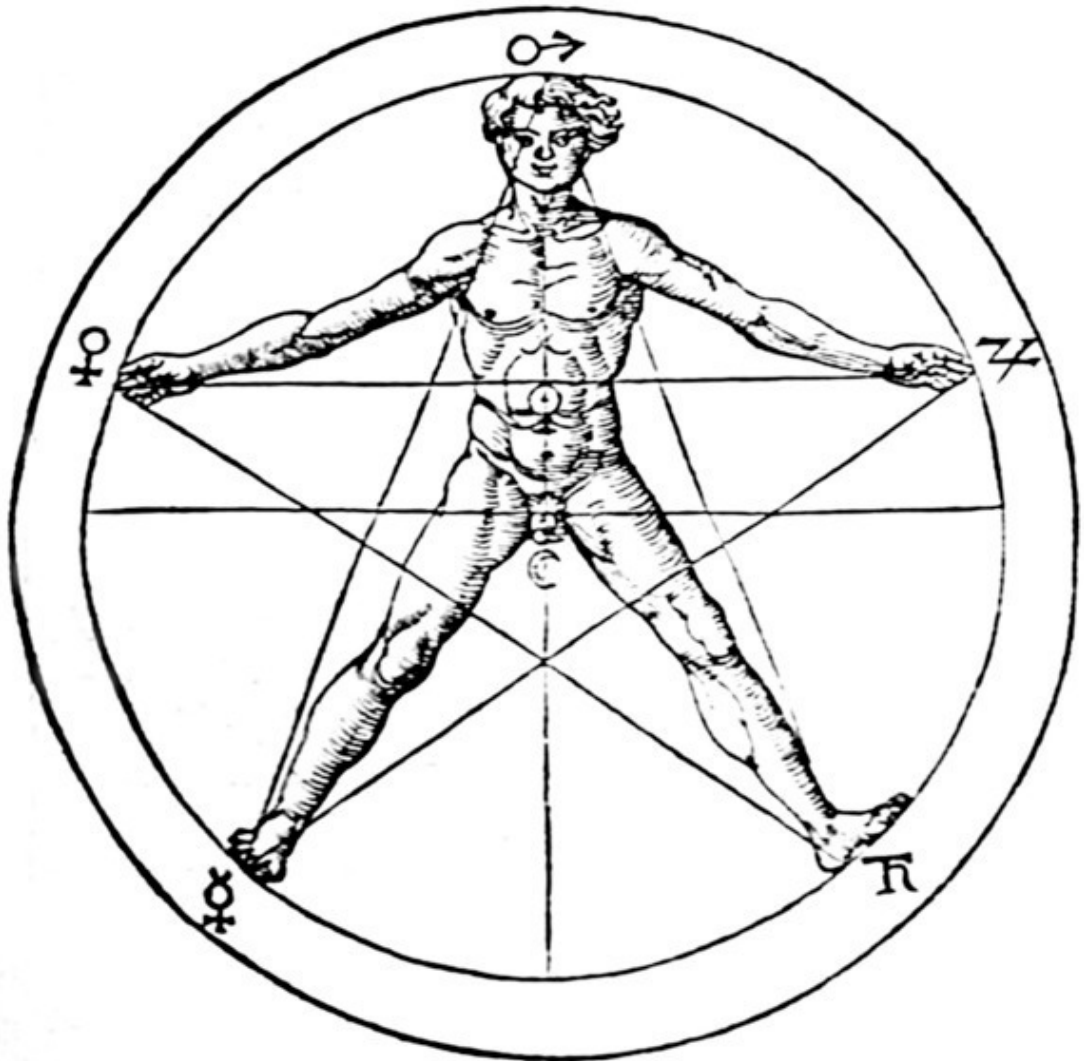
© Антон Владимирович Кочнев, 2017

© Дарья Георгиевна Иукканен, иллюстрации, 2017

© Сергей Николаевич Охотин, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-6959-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Это странная книга.

Если Вы не любите запутанное повествование, неоднозначные выводы, Вам не нравится думать над логикой сюжета или ее отсутствием, то эта книга не для Вас.

В этой книге сложно читателям, писателю и героям.

Но она делает то, ради чего была написана.

А.К.

Часть 1. Охота на Бога

Я очень любил слушать ее перед сном. Голос матери, всегда спокойный и освежающий. От него веяло уютом.

Если бы у Вселенной был голос, это был бы Ее голос.

У каждого свой. И у всех единый.

В ту ночь она рассказывала мне долгую историю.

Пролог

Я охотник

Когда тишина становится слишком громкой для меня, я беру свой лук и иду в пещеру.

Я охотник

И когда легкость мыслей становится невыносимой тяжестью, я снова иду туда, где я привык обращать взор на мир, который больше того, куда смотрит мой взор постоянно.

Я охотник, и зримые мысли – жертвы мои.

Когда становится темно от света, когда глаза перестают слышать звуки солнца, когда мягкое ложе становится тверже дерева, я оставляю свою деревню и ухожу.

1. Молчание

Охотник сидел рядом со входом в Пещеру и смотрел на огонь костра. Пещера глухо вздыхала, смотрела на Охотника.

Сколько лет стоит Пещера эта, связью времен прорываясь через века. Она помнит много таких, как он. Таких, что под сенью ее скал молчаливых находили приют себе во время долгой охоты в дремучих лесах.

Пещера снова вздохнула. Она скрывала открытое.

Она открывала сокровенное.

Пламя костра покачнулось и протянуло к охотнику руки.

– Вот ты, Пещера, – промолвил Охотник. – Сколько лет уже ты глядишь на меня пустыми своими глазами? Скольких еще таких видела? Зачем приходят люди к тебе? Зачем оскорбляют твои вечные своды своим присутствием? Что думают найти в твоих недрах, отдыхая после долгой охоты?

Вздохнула Пещера.

– Так нужно, – услышал Охотник в ее вздохе.

Луна кивнула, соглашаясь.

– Вот ты, Огонь, – промолвил Охотник. – Сколько лет уже ты глядишь на род людской, согревая его жалкие тела? Сколько лет впитываешь мысли людские, их скорбь и желания?

Почему, глядя в недра твои, мысль начинает что-то искать? Нашла ли? Зачем ищет?

Качнулся костер, протянул руки к небу.

Ничего не ответил.

– Так нужно, – слышал Охотник в треске его углей.

Луна кивнула, соглашаясь.

– Вот ты, Звездное Небо, – в третий раз промолвил Охотник. – Сколько лет уже ты глядишь на меня? Сколько глядело на землю? Почему молчишь всегда и лишь глухо рокочешь громом во злобе? Почему взгляд замирает в тебе и вязнет, как кролик в болоте, а на глазах появляются слезы? Уж не отражение ли это твоих звезд? Почему ничего не говоришь своим детям?

Промолчало небо.

Лишь мазнуло упавшей звездой по небосводу.

– Так нужно, – услышал Охотник в шорохе.

Луна кивнула, соглашаясь.

С рассветом голод поднял его затекшее тело.

– Голод и жажда, и все желания звериные не зря даны человеку, иначе забудется он и слишком быстро дойдет до сути всего. Даны они помехой и якорем.

Охотник улыбался восходящему солнцу.

Взглянул на костер, укрывшийся плотным одеялом золы, взял лук и стрелы и направил стопы свои в лес.

2. Первая жертва

Он медленно брел по лесу, слушая шорохи мертвой листвы.

Она медленно брела по лесу, слушая шорохи живых деревьев.

Когда Охотник переходил ручей, Лань вышла ему на встречу. Долго стояли они и смотрели друг другу в глаза, прежде чем Лань заговорила.

– Я вышла к тебе исполнить свою Цель.

– Какую? Ведь я собираюсь тебя убить.

– Эта и есть моя цель.

– Нет! Не может быть смерть у живого целью!

– Я рождена, чтобы смертью своей продлить жизнь.

– Но ведь ты прекрасна! Ты создана красотой своей и грацией дарить счастье созерцающим тебя!

– Даже прекрасное рано или поздно обращается в прах. Так сказала Жизнь на заре своей.

И я должна дать жизнью своей жизнь. Разве это ли не прекрасное по истине?

Охотник задумался и горько посмотрел на Лань.

– Если ты убьешь меня, то часть моей жизни обернется продолжением твоей, и целью своей я буду продолжать жить в тебе. Ты ведь тоже когда-то дашь жизнь.

– Твое мясо насытит меня ненадолго, и вскоре я забуду про тебя.

– Пусть так. Но в этом есть глубочайший смысл. Смерть, дарящая жизнь. Мы с тобой поставим Смерть нам в услужение.

Охотник задумался. Медленно поднял лук с натянутой тетивой, и стальной клюв стрелы хищно уставился на Жертву. Сквозь шкуру прямо на ее сердце.

– Стреляй, Охотник. Только сначала взгляни на стрелу. Видишь? Она, как и человек, нуждается в Цели. Без цели стрела никому не нужна. Да только исполнит ли она свою цель, если тетива жестоким ударом не отправит ее в путь?

– Так какая же тогда у меня цель?

– А это, Охотник, ты должен узнать у того, кто наложит тебя на тетиву.

Он кивнул. Лань прикрыла глаза и умерла, пронзенная стальным наконечником.

Охотник взвалил на плечи тушу и медленно побрел к Пещере.

Слова, что сказала ему Лань, никак не давали покоя.

Он не мог поверить, что теперь эта Лань уже просто куча костей, мяса и шерсти, лежащая на его плечах.

Так смерть держит тонкий занавес между мертвечиной и жизнью.

В ту ночь ему явились две птицы.

«Тук-тук-тук-тук» стучал клюв Ворона по черепу мертвой Лани. Охотник смотрел на него с отвращением и хотел было уже швырнуть камень в черную птицу, но ворон заговорил хриплым голосом:

– Не спеши кидать камень в тех, кто собирает падаль. Мой клюв высекает белое крошево смерти из кости черепа этой Лани. Я выклеываю ее глаза, что видели этот обреченный мир, и значит, вместе с глазами ее забираю себе частичку зла, увиденную в этом мире прекрасной Ланью.

– Почему ты говоришь, что этот мир обречен? Скажи мне, Ворон?

– Потому что я вижу смерть. И если ты, Охотник, лишь даришь ее, то я ее *вижу*, я ею *питаюсь*. Мир обречен, потому что Бог-творец умер в своей звездной вышине, и черный Ворон вселенского безмолвия уже выклевал его ослепшие глаза.

Охотник вздрогнул от хриплых слов старой птицы.

Холодным ветром повеяло от костра.

Но вдруг на ветку соседнего дерева приземлилась птица Сирин.

– Что слушаешь ты старого Ворона, Охотник? Отринь его карканье! Пусть убирается к себе на кладбище!

Ворон хрипло рассмеялся.

– Сирин-птица, даруешь надежду заблудшим? Думаешь, раз он в пещере сидит месяцами среди темного леса, то лучше он падали, что я клюю каждый день?

– Не отнимай у него его Бога.

– Смерть его Бог. Как у любого живущего здесь человека.

– Каркай умертвиям! А у живых не отнимешь надежды!

Распахнула птица Сирин крылья, и короткая молния сверкнула над Вороном.

Запах паленых перьев учуял Охотник, молчаливо смотревший за разговором двух птиц.

Ворон воскликнул от боли и жара, взмыл тяжело в ночной воздух.

И выпало из крыла его большое черное перо.

– Вот перо мое, возьми его себе, Охотник, если хочешь *видеть* смерть!

С этими словами он унесся в темное небо, а Сирин медленно подлетел к Охотнику.

– Не слушай темную птицу, Охотник. Уж лучше прожить тридцать лет бьющим соколом, чем клевать триста лет мертвечину.

– Ворон сказал, что Бог умер.

– Он обманул тебя. Бог жив, лишь крепко спит.

– Но нужно разбудить его, ведь Ворон прав, мир без Бога обречен. Человек должен верить.

– Ну и кто же его разбудит? Уж не ты ли, Охотник?

– Я найду Бога.

– Хорошо. Но знаешь ли ты, что Бог живет на вершине самой далекой и самой высокой Горы этого мира? Не каждый смертный сможет добраться до него.

– Я должен. Ведь разве это не достойная цель для всякого человека? Стремиться встать рядом с Богом? Разбудить его и сделать мир лучше?

– Такие люди, словно кони, что сами прыгают в упряжь. Даже не представляют они, что за тяжесть придется тянуть им за собой на вершину Горы.

Птица Сирин взмахнула крыльями и поднялась в воздух.

– Иди той дорогой, что все дальше будет уводить тебя от зверя, Охотник. Только так ты выйдешь к Горе. Но не забудь, что без зверя ты уже вовсе не Охотник. Сложно будет не потерять себя на этом пути.

Охотник открыл глаза и проснулся. Костер давно догорел, кости Лани белели рядом.

«Странный сон ты послала мне сегодня, Пещера. Долго придется думать мне над его разгадкой...»

Охотник повернул голову. Рядом на траве лежало черное перо Ворона.

3. Огонь

Вот уже третий день Охотник мчался через лес.

Лес уже третий день пытался поглотить его.

Он сам не знал, куда бежит. Только видел Солнце сквозь переплетение веток.

И чувствовал тучу, что настигает.

Бежал за солнцем, когда тьма преследует на закате дня.

В ту ночь над лесом бушевала гроза. Охотник не старался спрятаться от тугих струй ливня, а смотрел в небо.

В ту ночь Охотник встретился со Старцем.

– Тут рядом мой шалаш. Ты весь вымок под дождем, зайди, обогрейся, а я расскажу тебе про пастухов.

Охотник не понял Старца, но побрел за ним сквозь лес. На старике была бесформенная хламида, подпоясанная веревкой, длинная борода волочилась по земле, голые пятки и посох из простой ветки месили размокшую от дождя землю.

С наступлением утра Охотник спросил:

– Старец, скажи, ведь ты говорил, что твой шалаш недалеко, но мы шли целую ночь, а шалаша не видно. Быть может, его смыло яркими небесными потоками дождя?

– Рядом для меня, а для тебя, может, и далеко. Муравьишка бежит и думает, что пробежал пол-леса, а для нас это лишь шаг. Так далеко для него шалаш или близко?

Охотник решил промолчать. Он пожалел уже, что пошел со стариком, сошедшим с ума в лесной тиши от тяжелых раздумий.

Молчал от того, что Небо завещало уважать старших.

– Гляди, Пасущий Зверя, вон мой шалаш.

Солнце уже встало в зенит и постепенно прогревало поляну, по которой брели люди.

Когда они подошли ближе, на земле было лишь пятно от очага и несколько камней.

– Но где же шалаш, мудрый Старец?

– Ты уже в нем, глупец! Разве не отогрелся ты от той дождливой ночи?

От палящего солнца в теле и правда не осталось и следа ночной сырости.

– Ну что ж, спасибо тебе, Старец, что приютил меня. Я пойду дальше.

– Я слышал, ты ищешь Бога?

Охотник снова промолчал.

– Что ж, если так, то я могу показать тебе дорогу к той горе. Только вот знаешь ли ты разницу между собой и пастухом?

– Конечно, ведь я бью стрелой диких зверей, а пастух лишь охраняет домашних животных на выпасе.

– О, глупец! Как же собрался ты идти к Богу? Вы оба стремитесь быть рядом со зверем, ты сам пастырь поболее пастуха, потому что тот следит лишь за отарой овец, а ты не упустишь из виду и стадо кабанов, и стаю волков.

– Я не могу понять твою мудрость, великий Старец.

– Есть люди, Охотник, которые следят не только за тем, что дано им в охранение, а смотрят вглубь леса, высматривая среди деревьев отдельные части огромного целого.

Охотник задумался над словами.

– Старец, скажи, а могут ли такие люди искать Бога?

– Только такие и могут. Собери-ка хвороста, да побольше, разведи костер, а я просушу возле него свои травы да коренья.

Хворост был влажным после ночного дождя.

Огонь занялся неохотно.

Старик медленно подошел к огню и начал раскладывать около него связки трав.

– Смотри, Охотник, вот девять связок, они сырые от ночного дождя, словно люди, что вгоняют себя в сырость мирских утех и забот. Но вот одна связка. Она успела просохнуть на солнце. Гляди же.

Старик разложил связки трав вокруг костра и стал ждать.

Охотник нетерпеливо посматривал на огонь.

Пламя трещало и разбрасывало вокруг искры, все они падали на вязанки травы рядом и не причиняли им вреда.

– Огонь – словно Бог, что глядит с вершины горы на нас. Вот он бросает свои искры вокруг, но они легко гаснут во влажных людских душах.

Внезапно одна искра упала на сухую связку травы и та вспыхнула голубоватым пламенем.

Охотник хотел тут же затоптать начинающийся пожар, но Старец остановил его.

– Потухнет сама. Так искра Бога попадает в душу некоторых людей, тех, кто смог выжечь из себя сырость обыденности. Но вот только занялся огонь, как каждый спешит его затоптать для благого дела. А он и сам быстро прогорает.

А нужно столько успеть.

Связка сухих веточек вспыхнула еще раз и превратилась в горстку золы.

4. Капь

«Камень нужен обязательно. Самый тяжелый. И столпы деревянные, крепкие попроси у леса, какие унести сможешь».

Строить Капь. Место, где живет Бог. Так сказал Старец Охотнику, и вот уже день напролет тот тащил через лес, срывая ногти, жертвенник к месту заклания Капи.

«Бог, что на вершине горы, он далеко. А ты сможешь ли сам создать Бога? Надели-ка природу ликом, стань Сотворцом. Вот тогда можешь идти к Богу. Тогда не стыдно смотреть Творцу в глаза не рабом, а на равных».

Тяжесть.

Камень весь в кровавых разводах.

С хрустом острая грань срезала мозоль на ладони.

С хрустом сминались стебли лесной травы под тяжелым валуном, что катил Охотник.

Тяжесть.

Кусты и ветви, через которые продирался он, срывали лохмотья одежды и кожи.

Старик не назвал места, где будет стоять Капь.

«Закатный луч покажет, и ты поймешь».

Тяжесть.

Камень застревал во всех ямках, цеплялся за все корни. Он не хотел покидать место, которое в лесу ему уготовила судьба. Но теперь Охотник стал его судьбой. А может это Охотник стал лишь перстом судьбы.

Люди. Много людей. Все они как камень посреди леса.

Дожди и грады бьют его, под ним заводятся черви и мокрицы, солнце и ветер нещадно разрушают, а бывает, что кто-то придет да и выкатит из леса в чисто поле. И каждый, кто проходит через поле это, получает *власть над этим камнем*. Может откатить из канавы, может сбросить в овраг, может расколоть тяжелым молотом. Скульптор может даже сделать камень настоящим произведением искусства, а кто-нибудь с удовольствием помочится на этот Камень.

Мало кто возьмется докатить этот камень до *нужного места*. Докатить, срывая мозоли и ногти. Мало таких. Поэтому и лежит камень посреди леса или поля.

И ждет, когда перекачат его к месту истинного предназначения. Судьба ли, Охотник ли. Но

Тяжесть.

Хрип вырвался из груди Охотника, когда камень вдруг уперся во что-то на земле, ударив его в грудь.

Иногда камень сам мог решить, где ему остаться.

В ту же секунду луч солнца сквозь листву красным закатным светом погрузил камень в кровь, смешав кровь солнца с кровью из рук Охотника.

Без крови камень не найдет свое место.

Столпы Охотник взял в соседней роще. Самый большой он дотащил до места лишь к вечеру следующего дня.

Когда и камень, и столпы были на месте, новый Творец взял в руки топор и медленно, щепка за щепкой стал наделять ликом природу.

Старец стоял рядом. Он и сам когда-то строил Капь. Но когда закончил, ужаснулся. Бог показался ему мертвым.

Ночью Охотник врыл в землю последний столп и зажег у камня Огонь.

Отблески пламени плясали на глазах и губах родившегося Бога. Он смотрел на Творца и улыбался.

Старец положил руку Охотнику на плечо.

– Огонь очищает, твоя Капь живет. Здесь Бог.

– Бог везде, Старец.

– Но ты своим потом и кровью создал место, куда он может спуститься и отдохнуть из глубины высоких гор и пропастей широких пещер.

– Я вижу Бога. И он видит меня. Но он все так же спит. Этот Бог не Творец, этот Бог Сотворенный.

– Будь осторожнее, Охотник. Как бы тебе не поменяться местами с ним.

Старец рассмеялся, и Охотник улыбнулся в ответ.

А родившийся Бог перстом указывал в сторону Востока. Туда, где на вершине горы спал его отраженный в древесном лике образ.

Утром Старец и Охотник медленно брели через лес.

К полудню они вышли к реке.

– За той рекой до горы станет ближе.

– Спасибо тебе, Старец, что приютил в своем шалаше.

– Пусть твоя жизнь будет как река, Охотник. Весело плещется и сверкает на солнце, несет тебя легким своим течением и не ударит об острые пороги.

– Река без порогов и разливов становится не такой веселой и радостной.

– Да, ты прав. Но тогда рой сам русло для своей реки. И будь сильным, чтобы в любой момент встать и смочь пойти против течения, или выйти обсохнуть на берег.

Старец протянул Охотнику бусы. Ровно девяносто девять бусин из дерева, камня и металла. Вместо сотой бусины на веревке висела золотая пирамидка.

– Когда придешь к Горе, поймешь.

Охотник взял бусы, поклонился Старцу и медленно побрел вдоль реки.

5. На морском берегу

Все реки рано или поздно впадают в море. Но вот только на пути этих рек часто попадаются озера. Прекрасные тихие и спокойные.

Река вывела Охотника к одному из них.

Здесь он решил отдохнуть в тени деревьев и прохладе дыхания водной глади.

На берегу сидел Рыбак и дремал, закинув удочку в пучину.

– Не угостишь ли ты меня свежей рыбой, брат? А я собью тебе своими стрелами белку или куницу.

– У меня нет рыбы в моем садке, Охотник. Я здесь ловлю свежие мысли. А свежую рыбу отпускаю в глубины озера снова и снова.

Охотник удивился. Ведь каждая работа должна приносить видимый результат. Не бегают же он, в самом деле, по лесу с пустым колчаном и не тренькает тетивой по воздуху, пугая глухарей да куропаток.

– Я смотрю на это озеро и на тебя и вижу спокойствие и стабильность. О чем же ты так тяжело мыслишь в этом безмятежном месте?

– Спокойствие не одной лишь стабильности признак. Безмолвие и спокойствие это еще и признак застоя. Еще несколько лет пройдет, и это озеро станет болотом, рыба в нем умрет, заведутся жабы да лягушки, а на дне – страшные болотные твари. Так говорю я.

Охотник сел рядом и начал всматриваться в синюю гладь озера.

– Хочешь, я помогу тебе бороться с гибелью этого озера?

– Нет. Когда оно погибнет, я пойду искать новое озеро, и в нем буду ловить свои мысли. А потом пойду к морю. Смотри на рыб. Они разъяснят.

– Странный человек ты. Разве достойная цель – прожигать жизнь свою, глядя на то, как озеро становится болотом?! Это болото когда-нибудь затянет тебя в свои недра, и ты станешь одним из тех чудовищ, живущих на дне зловонных болот.

Рыбак промолчал. Лишь по озеру пробежала рябь, да где-то в заводи по воде ударил хвостом огромный сом.

Охотник поднялся и побрел прочь от озера.

Вечерело. Холодный воздух срывался с губ облаков. Тогда он вышел из-под сени деревьев и побрел по долине. Рядом бежал Волк.

– Позволь мне убить тебя, Охотник. Я не ел уже неделю, волчата мои умерли от голода.

– Мне жаль тебя, Серый Брат, но я иду к Богу. Когда я разбужу его, он обязательно сделает мир лучше.

Все голодные будут накормлены, все униженные отомщены, все слабые будут равны сильным. Бог сделает мир лучше. Ведь не зря же он его создал.

– Бог дал нам мир, чтобы мы сделали его лучше сами. Дай мне своей крови, так ты насытишь меня. Так ты сделаешь добро хотя бы мне. Бог не проснется!

– Пойдем со мной, и ты сам спросишь Бога о справедливости.

Охотник сбил стрелой зайца, и бросил под ноги ослабевшему Волку.

Хищник насытился.

– Теперь я сыт и могу думать о Боге. Я пойду с тобой, Охотник.

Вдвоем они долго брели через поля и долины, поднимаясь на холмы и спускаясь в овраги. Курганы древних царей лежали на их пути, и они остановились, дабы поклониться старым воителям.

– Добрых снов вам.

Курганы вздыхали под тяжестью лет.

– Доброго пути человеку и волку.

Так они шли еще несколько дней, питаясь сбитыми птицами и зайцами, укрываясь открытым небом и вдыхая перед сном запахи полевых цветов.

Однажды на пути показалась деревня.

На площади стоял столб с виселицей, а рядом стоял человек в ярких одеждах и смеялся. Толпа вокруг эшафота потрясала кулаками и требовала смерти преступника.

Палач неторопливо надевал на шею обреченному петлю.

– За что вы его казните, люди? – Воскликнул удивленный Охотник.

– За радость над нашими горестями!

– За смех над нашими бедами!

– За глупость среди вековой народной мудрости!

Толпа шумела и ярилась, как волны, бьющиеся о камни.

«Скоро я увижу их наяву, когда выйду к морю», – думал Охотник, глядя на шумящих людей.

– Послушай меня, явившийся с волком!

Толпа неохотно затихла, давая слово обреченному на смерть.

– Я Насмешник. Среди людей я не боялся смеяться над горем, ибо верил, что так поддержу их, покажу, насколько смешно их горе среди горестей мира! Но каждый человек хотел сделать значимой свою боль! Что есть такое гибель империи или война, когда издохла своя корова или не взошел урожай! Вот за что казнят меня – за то, что не боится выглядеть дураком тот, кто воистину умен!

Петля затянулась, и Насмешник захрипел, но даже тогда улыбался. Ведь смерть одного человека ничто, в сравнении с горестями мира.

Он был рад, что никто не загрустит над такой мелочью, как одна человеческая жизнь.

Охотник пробыл в деревне еще две ночи.

– Куда держишь путь, Охотник? – спросила его Вдова, когда они с Волком уже собирались покинуть деревню.

– Я иду в горы. Разбудить Бога.

– Но тогда твой путь будет лежать мимо моря. Возьми меня с собой. Мой муж погиб в схватках с врагами в жарких пустынях, я устала жить, как живу и хочу отдать свою душу волнам морским.

– Можешь идти с нами.

Втроем шли они, пока луна не превратилась в маленький месяц. Тогда Охотник услышал, как соленый ветер щекочет ноздри.

На рассвете они были у моря.

– Мне страшно, Охотник. Я была готова отдать свою жизнь морю, но теперь мне страшно. Я вижу, что ему не нужна моя жизнь.

Охотник молчал.

– Мне страшно, что морские чудовища будут терзать мое тело на дне, а рыбы растащат останки по всему морю.

Волк молчал.

– Мне страшно, что страх теперь во мне, а не горечь о муже.

– Страх у всех один.

С этими словами Охотник сел на скалистом обрыве у моря.

Они находились в шаге от холодной бездны и острых прибрежных скал.

Смерть села рядом и улыбнулась.

– Только шаг... один шаг...

Охотник смотрел на Вдову, Волка и Смерть. В душе было горько.

Небо заплакало.

Шаг...

Только шаг...

Шаг...

Шаг...

Шаг...

Охотник молчал. Только достал перо Ворона и покрепче сжал в руке.

– Посмотри на меня, Вдова. Смерть сидит рядом с нами сейчас и просит, чтобы хоть кто-нибудь шагнул на скалы с обрыва. Ты сделаешь добро смерти, а муж отвернется там, наверху. Он поймет, что его жена – трусливая женщина, которая угождает смерти.

Вдова наклонилась и взяла у Охотника перо Ворона. И тоже увидела Смерть. Та сидела на краю обрыва и манила пальцем, улыбаясь мертвой бессмысленной улыбкой.

– Я не шагну вниз. Убирайся к черту, Костлявая.

– Охотник, ты зря отбираешь хлеб у меня, – прошипела Смерть. – Там, на Горе, ты уже не сможешь меня видеть. Там, на Горе, я буду тебя ждать.

– Там, на Горе, меня будет ждать Бог.

Так сказал Охотник, и побрел вниз, к морю, оставив Вдову на обрыве.

Волк бежал следом.

Стоя по колено в волнах, Охотник вспомнил слова человека, что ждал мыслей с удочкой у озера.

«Смотри на рыб. Они разъясят».

Охотник оттолкнулся от берега и поплыл. Затем нырнул в пучину и стал смотреть.

Рыбки стайками металась у поверхности. Они радовались, и, несмотря на серый дождливый день, вдоволь питались насекомыми, сбитыми в воду тяжелыми каплями дождя.

Не было у них печалей и страхов. Не было горя. Каждая была счастлива солнцу, пище и светлой воде. Никто не смотрел вглубь.

Где темная вода.

Где слишком тихо.

Где слишком.

Ведь на поверхности не было страхов. Лишь пролетит изредка чайка, проплывет лодка да черпнет иногда рыбак своей сетью целую стайку.

Никто не смотрел вглубь.

Где страшные тени.

Где твари, не видевшие солнца.

Где слишком.

Там давит морская пучина, и крепкая чешуя не спасет, выдавливает глаза и закладывает уши.

Но там сокровища на морском дне. Там тайны всего бытия этих рыбок.

Мало кто решается на такое.

Нырнуть в темную пучину очертя голову.

Где темная вода и страшные тени.

Где тихо и слишком много чудовищ.

Где слишком.

Не каждая рыбка отважится. Не каждая вынырнет обратно.

Но многие пытаются.

Противна жизнь на поверхности, когда тянут глубины,
где темная вода,
где твари и тайны,
где слишком.

Слишком мало осталось времени, пока легкие взорвутся обжигающим вдохом, и вместо воздуха туда хлынет соленая морская вода.

Охотник судорожно дышал холодным воздухом на поверхности, отгоняя странное видение в морской пучине.

На берегу его ждал волк, тихонько подвывая в унисон морскому ветру.

6. Подножье горы

Они увидели Гору, когда ее подножье уже было укутано покрывалом колючих снегов.

Бусы на шее Охотника тихонько позвякивали.

«Когда я доберусь до Горы, я все пойму».

– Мы почти пришли, Серый Брат.

– Я чую опасность, Охотник.

Он промолчал. Он тоже чуял.

Впереди, из-за заснеженных валунов, что окружали подступ к Горе, вышли люди.

Разбойники видели перед собой легкую жертву.

– Еще один хочет отправиться к Богу, ребята!

– Зачем вы мешаете мне?

– Потому что мы не любим таких умников, как ты, которые хотят спасти всех в одиночку.

– Тогда помогите мне или сделайте это сами, разбудите Бога, я отступлюсь.

– Нам живется неплохо и без Бога. А таких самоуверенных глупцов, как ты, накопилось уже на добрую сотню! Вон они, под кучей снега, гниют в том овраге.

– Я лишь Охотник, я видел смерть, я строил Капь, я слушал рыб. Мы с волком идем разбудить Бога. Мы лишь хотим, чтобы всем было хорошо. Так сказала птица Сириин мне во сне у Пещеры.

– Мир такой, каким хотим мы его видеть. А мы хотим его видеть без глупцов, что хотят сделать его лучше.

С этими словами разбойник метнул нож, но Волк закрыл своим телом Охотника.

Прыжок зверя

Страшно прекрасен. Он рядом со смертью. Кого-то он ей дарит.

А кого-то от нее отделяет.

Стрела видела их, как когда-то видела на своем острие Лань. Двое пали от ее стремительного поцелуя.

Удар третьего не показался Охотнику сильным.

Последнее, что видел Разбойник, были когти птицы, вонзившиеся ему в глаза.

Птица Сириин внимательно смотрела на распростертого на снегу Охотника.

– Ты стал сильнее. Взгляни на себя. Ты бы мог дать им отпор, если бы захотел. Тогда не умер бы Волк. Тогда не стала бы вмешиваться я.

– Я стал сильнее. Но мне горько видеть, как люди пытаются остановить тех, кто стремится сделать их жизнь лучше.

– Не потому ли Бог решил уснуть, Охотник?

Человек молчал. Птица поднялась в воздух и растаяла среди облаков.

«Я больше не вмешаюсь, теперь ты остался один. Последнее испытание перед встречей с Богом».

Охотник медленно поднялся и подошел к Волку.

– Спасибо, Серый Брат.

– Спасибо тебе, Охотник. Спасибо, что стал моим учителем. Я многое понял, пока шел с тобой.

– Учитель лишь тогда хорош, когда вместе с учеником постигает премудрость. Мы достигли этой горы вместе, Серый Брат.

– Ты совсем скоро увидишь Бога. Скажи ему, что я рад был быть с ним рядом.

Волк умер.

Охотник копал могилу в мерзлой земле. Волку. И разбойникам.

«Странно, что все мы возвращаемся в землю. Страшно, что там, в темноте и забвении нужно лежать Божьим детям. Только черви. Хотя даже их нет в этой мерзлоте у Горы. Огонь гораздо легче превратит человека в прах, чем это сделают черви, а Мать Земля не будет скорбеть о наших телах в своем лоне».

Когда Волк и Разбойники легли по могилам, Охотник начал свое восхождение.

Он несколько дней не видел пищи.

Пил лишь талый снег.

Холод продирает до костей.

К ночи второго дня он втащил свое тело на каменистое плато. Там у расщелины в горе стояла статуя Атланта. С хрустом Атлант развел каменные, вмерзшие в лед, плечи. С тяжестью взглянул на замерзающего Охотника.

– Ты продрог до костей. Смерть идет за тобой по пятам.

(Только шшшшааааг...

Только шшшшааааг, Охотник...)

– Я боюсь, что не смогу добраться до Бога, каменный Атлант.

– Ты должен.

С этими словами Атлант поднял его на руки и внес под свод расщелины.

Охотник медленно пришел в себя, ему трудно было открыть глаза, руки и ноги не шевелились.

– Горная вода, она вернет тебя к жизни. Пей ее.

Обжигающий глоток поднял человека на ноги. От второго холод ушел из окоченевших членов.

Он остался в одиночестве. С трудом развел огонь из разбросанных по пещере веток. Свет от дрожащего пламени выхватил из другого конца пещеры странный силуэт.

8. Каменная лестница

Ступени сменились ровным каменным полом, испещренным странными узорами. Неожиданно загорелся яркий свет факелов, и Охотник увидел Сфинкса.

– Давно никто сюда не забирался.

– А разве были, кто добирался?

Охотник был измучен. Руки саднили, а живот сводило от голода.

– Были и те, кто заходил дальше.

– Ты не пропустишь меня без загадки дальше? Ты ведь Сфинкс.

– Брось, Охотник, какая загадка? Одним своим существованием люди загадали мне загадку на всю мою вечную жизнь! Ведь не живет им спокойно в долинах и лесах, коих много создал Творец, не хочется мирно растить детей и делать мир лучше. Всегда найдется кто-то, кому вдруг понадобится поговорить с Богом!

И он начинает ползти по этим ступеням, сначала сдирает руки о Деревянные, потом задыхается на Каменных...

– А потом?..

– Доберешься – узнаешь. Каменная Лестница начинается за моей спиной. Только вот на ней уже не отдохнешь...

Сфинкс засмеялся.

– Ах, люди! До чего вы глупы и прекрасны, что ползете по лестнице к Богу! Нет бы собраться всем вместе, да и залезть туда одновременно! Помогать по дороге друг дружке! Но ползут вверх одни единицы! Да идохнут себе по дороге.

Охотник молчал.

– Ну, иди, что встал? Лестница ждет.

Сфинкс отступил, открывая дорогу.

Лестница светилась голубоватым светом.

Охотник медленно поставил ногу на первую истершуюся ступень. Затем на вторую.

Странно, но на третьей ступени вдруг стало резко нечем дышать.

Охотник с удивлением повернулся назад, но пройденных ступеней не было.

Только темнота пропасти. И улыбающийся Сфинкс.

(шааагни в темнотуууу, Охотник... только шшшааааг)

Он повернулся и поднялся еще на несколько ступеней. Затем побежал.

Слышно было, как за спиной исчезают ступени.

«На Каменной Лестнице нельзя остановиться и отдохнуть».

Воздуха в груди было все меньше.

Вдох

Легкие болезненно сжались на пустоте

Он упал на Ступени

А они не собирались давать ему отдых, растворяясь во мраке.

Вдруг тридцать три каменных бусины задрожали на шее Охотника.

Он сорвал их с шеи и прикоснулся губами к гладкому серому каменному шарик.

Легкие наполнились кислородом, разгоняя по телу застывшую жизнь.

Бусина медленно растаяла.

Охотник едва успел вскочить на ноги, как ближайшая ступень исчезла.

Он побежал.

Бег

Бег

За Деревянной лестницей,
За Каменными ступенями,
За Мраморной дорогой
Ждет путника Золотой чертог!

Охотник не мог понять, отзывается ли этими словами боль в его голове, или это стены поют странную песню.

Внезапно лестница оборвалась огромным залом.

Резные колонны из алого мрамора подпирали своды пещеры.

– Вот и ты, старик!

– Кто здесь? – Удивленно воскликнул Охотник, и Эхо разнесло его слова по всему огромному залу.

– Я Эхо.

– Что это значит?

– Значит, ты уже близок к Золотому чертогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.